ЕСТЬ ДЕЛО НАРОДНОЕ“

А. Чехов

★ ★ ★ ★

Великий сын русского народа

В рассказах Чехова нет ничего такого, чего не было бы в действительности. Страшная сила его таланта именно в том, что он никогда ничего не выдумывает от себя, не изображает того, «чего нет на свете», но что быть может и хорошо, может быть и желательно.

М. ГОРЬКИЙ.

* * *

...много ли среди русских писателей найдется таких, у которых душевная чуткость и сила восприимчивости были бы больше чеховских.

И. БУНИН.

* * *

Эта история вызывает хотя бы уже по одному тому удивление, что именуется «скучной», в то время как она потрясает; вдобавок она написана молодым человеком, которому не было еще и тридцати лет; вложена она с предельным проникновением в уста старика, ученого с мировым именем...

Томас МАНН,
о «Скучной истории».

* * *

Он видел и слышал в человеке — в его лице, голосе и походке то, что было скрыто от других, что не поддавалось, ускользало от глаза среднего наблюдателя.

А. КУПРИН.

* * *

Каждая минута полна, но полнота эта не в диалоге, а в молчании, в ощущении жизни.

ЖАН-ЛУИ БАРРО
о чеховском театре.

Раскройте наугад любой том рассказов Чехова, и перед вами пройдут различные, но всегда интересные и острые люди...

«Он был замечателен тем, что всегда, даже в очень хорошую погоду, выходил в калошах и с зонтиком и непременно в теплом пальто на вате».

(«Человек в футляре»)

«...И начался шутливый, легкий разговор людей свободных, довольных, которым все равно, куда бы ни идти, о чем ни говорить».

(«Дама с собачкой»)

«Или я писал этюд, а она стояла возле и смотрела с восхищением».

(«Дом с мезонином»)

Призвание

«ЧАЙКА» В АКАДЕМИЧЕСКОМ ТЕАТРЕ ДРАМЫ

★

Нина Заречная — юная, восторженная девушка — мечтала о сцене, о славе. Искусство казалось ей прекрасным сном, ничего общего не имеющим с суровой прозой жизни.

Рядом с ней жил другой мечтатель — начинающий писатель Константин Треплев. Треплев собирался сказать новое слово в литературе.

Оба — талантливы, оба любили друг друга и оба самоуверенно вступали в жизнь.

Жизнь жестоко разрушила наивные мечты молодых людей. Путь в настоящее искусство оказался мучительно трудным. Тяжелые испытания выпали на долю Нины. Ей пришлось столкнуться с косностью и рутиной провинциального театра, ее оставил любимый человек, она долго не могла стать настоящей актрисой... Но она выстояла, не согнулась. Она поняла, что «главное не слава, не блеск, не то, о чем я мечтала...». Главное — это труд, это вера в свое призвание, это умение видеть высокую цель. «Когда я думаю о своем призвании, — говорит Нина, — то не боюсь жизни».

В эти гордые слова Нины — героини пьесы «Чайка» — о своем призвании Чехов вложил глубокий смысл. «Чайка» — это произведение, посвященное волновавшей писателя проблеме искусства и жизни, отношению таланта к действительности. Это пьеса о том, что в искусстве побеждает только тот, кто отдает свой талант служению во имя достижения этой цели, кто не боится тяжкого труда, не чурается правды жизни.

Нина Заречная с честью вышла из обрушившихся на нее испытаний, она вступила в настоящую жизнь, она нашла себя в искусстве и — победила.

А что же друг ее юности Треплев? Он однажды уже пытался застрелиться после того, как Нина разлюбила его. Пытаясь уйти в сферу чистого искусства, он видит, как постепенно сползает к той самой рутине, против которой так страстно восставал. У него нет ни знания живой действительности, ни цели, ни веры в свое призвание. «Вы нашли свою дорогу, — говорит он Нине, — вы знаете, куда идете, а я все еще ношусь в хаосе грез и образов, не зная, для чего и кому это нужно». В отличие от Нины, Треплев бежит от жизни, он оказался неспособным бороться за свою мечту, его талант гибнет. И он снова стреляется, увидев, как далеко ушла от него Нина, убедившись, что он никогда не сможет догнать ее.

Образ чайки приобретает в пьесе вдвойне символическое значение: свободная птица, расправляющая крылья для полета, — это Нина, и подстреленная, умирающая — Треплев.

Линия размышлений Чехова о долге, об ответственности художника перед своим народом продолжена в образах Тригорина и Аркадиной. Тригорин — известный литератор, опытный мастер. Но слава избаловала его, он хочет все время быть на виду у публики, а поэтому торопится писать, скользя по поверхности, размениваясь на мелочи. Он видит и понимает это. «Я чувствую, — признается он Нине, — что если я писатель, то я обязан говорить о народе, об его страданиях, об его будущем..» Но он бессилен свернуть с проторенного пути, и жизнь, по его же собственным словам, уходит «все вперед и вперед, а я все отстаю и отстаю...» Не случайно он ощущает свой талант не как крылья, дающие ему возможность взлететь, а как чугунное ядро, к которому он прикован как раб.

В плену рутины, косности находится Аркадина — безусловно, одаренная актриса. Но все ее усилия, весь труд преследуют узко эгоистическую цель — иметь успех у зрителя.

Раздумья Чехова над судьбой, над сущностью таланта, над задачами и целями жизни составляют сложный подтекст, придают пьесе глубокое философское звучание. Это делает «Чайку» одним из труднейших драматических произведений. Известна ее сценическая судьба. Поставленная впервые в 1896 году на сцене петербургского Александринского театра, она провалилась потому, что тогдашний театр не понимал ее новаторской сущности, не был в состоянии передать тонкость и сложность мыслей Чехова. Это сумел сделать Московский Художественный театр. Он показал, как надо ставить Чехова. С тех пор «Чайка» навсегда вошла в золотой фонд классической драматургии. Неоднократно ставилась она и на латышской сцене.

В честь столетия со дня рождения Антона Павловича Чехова «Чайку» поставил Государственный Академический театр драмы Латвийской ССР. Коллектив, руководимый режиссером-постановщиком К. Памше, проделал большую творческую работу, стараясь уйти от штампа, от бытовизма, стремясь к лаконическому оформлению спектакля, к предельной выразительности всех сценических средств.

В спектакле есть большие актерские удачи. В первую очередь хочется назвать Лидию Фреймане в роли Аркадиной. Фреймане уверенно, мастерски лепит многогранный характер избалованной успехом, ревнивой к чужой славе женщины, одновременно и чувствительной и черствой.

Очень тонко, мягко играет доктора Дорна артист А. Виденьек. Вразрез с распространенным толкованием этого образа А. Виденьек показывает человека, в котором есть много общего, несмотря на все внешнее несходство, с его пациентом Сориным. И его жизнь прожита впустую, бесцельно, хотя в отличие от Сорина, он не хочет вслух признаться в этом, уверяя всех и самого себя, что пожил «со вкусом».

Отлично играет Сорина, этого доброго, но жалкого в своей полной беспомощности человека, Я. Осис.

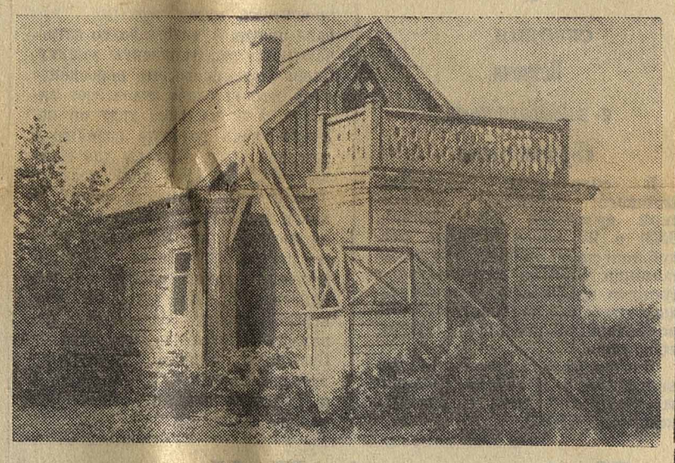
В новой для себя роли предстает артистка Е. Романова. Она играет Машу, «неизвестно для чего живущую на этом свете», с ее неразделенной любовью, с ее тоской и неудовлетворенностью.

Не до конца, не во всех гранях раскрыты в спектакле образы Треплева и Тригорина. Оба они: и Треплев (в исполнении Ю. Бебриша и В. Зандберга), и Тригорин (В. Акуратер и Ж. Катлап) — прежде всего малоинтересны. Не хватает искренности переживаний Тригорину, понимающему, что он делает не то, что нужно, и мучающемуся от сознания своего бессилия изменить привычное течение жизни. Недостаточно раскрыта трагедия гибнущего таланта в Треплеве.

Но главное, конечно, в «Чайке» это образ самой чайки — Нины Заречной. Роль эту играет Велта Лине. Играет вдумчиво, взволнованно, во многом приближаясь к образу, созданному Чеховым. Но все-таки ее Нина не во всем та, какой мы ее себе представляем по пьесе. Прежде всего, Нина у Чехова — очень незаурядная девушка. Ее обаяние, ее талант чувствуют все окружающие — и Треплев, и Дорн, и даже не слишком доброжелательная к людям Аркадина. Нина умна, она тонко чувствует природу искусства, а потому верно подмечает коренной изъян пьесы своего юного друга, в которой нет живых лиц, нет любви... Мы же, зрители, недостаточно ощущаем и этот живой ум и одаренность Нины при ее появлении в первом действии. Перед нами просто милая девушка, очень наивная, непосредственная, но не тонкая, не глубокая. Нина Велты Лине раскрывается только в последнем действии. Тут перед нами действительно много переживший и перестрадавший человек, ценой больших потерь и разочарований добившийся своей цели. Только не следует забывать, что Нина вышла победительницей, что она теперь знает жизнь и не боится ее. Она больше не считает себя, как прежде, подбитой чайкой. А Велта Лине, пожалуй, слишком акцентирует усталость, страдание своей героини, боль прощания со своей розовой юностью, выносит на первый план тему терпения. На наш взгляд, сильнее, определеннее следует подчеркнуть другую тему — тему победы.

Постановку «Чайки» — этого исключительно сложного и трудного произведения — следует рассматривать как большую заслугу Академического театра драмы. Успех спектакля у зрителя свидетельствует о живом интересе к проблемам, которые ставит и решает пьеса Чехова.

Е. АЛЕКСЕЕВА



Флигель в мелиховской усадьбе. Здесь в 1895 г. А. П. Чехов писал «Чайку».

Памятная записка Советского правительства правительству Японии

27 января министр иностранных дел СССР А. А. Громыко принял чрезвычайного и полномочного посла Японии в СССР С. Кадоваки и вручил ему памятную записку Советского правительства правительству Японии.

Как отмечается в памятной записке, Япония, подписав 19 января с США так называемый «Договор о взаимном сотрудничестве и безопасности», собственными руками передает иностранной державе значительную часть своих прав как суверенного государства, теряет свою национальную независимость. Она открыто становится на путь широкой милитаризации. Внешняя политика Японии все отчетливее дает крен в сторону милитаризации и прямого участия в военных союзах, направленных против поддержания мира на Дальнем Востоке. Заключение Японией нового военного договора усугубляет опасность катастрофы, которая неизбежно явилась бы результатом втягивания Японии в новую войну.

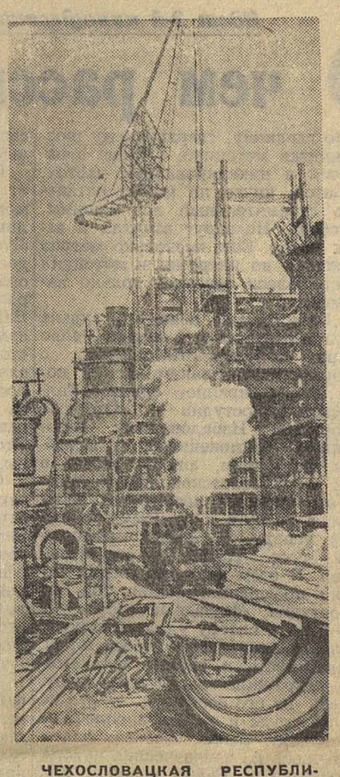
В памятной записке указывается, что Советское правительство всегда готово оказать полную поддержку таким шагам Японии, которые будут направлены на обеспечение условий для ее мирного, независимого развития. Советский Союз по-прежнему готов предоставить совместно с другими державами необходимые гарантии нейтралитета Японии. Правительство СССР, как известно, высказалось за заключение договора мира и дружбы между СССР, КНР и Японией, согласившись с участием в нем США и других тихоокеанских государств. Советское правительство неоднократно подчеркивало, что Советский Союз стремится к налаживанию действительно добрососедских отношений с Японией, расширению взаимовыгодных торговых, культурных и других связей, которые способствовали бы сближению между Японией и СССР в интересах советского и японского народов.

Как говорится в памятной записке, в связи с тем, что японо-американский договор фактически лишает Японию независимости и иностранные войска продолжают свое пребывание на японской территории, невозможно осуществление обещания Советского правительства о передаче Японии островов Хабомаи и Сикотана. Учитывая, что новый военный договор направлен против Советского Союза, как и против Китайской Народной Республики, Советское правительство не может содействовать тому, чтобы передачей указанных островов Японии была бы расширена территория, используемая иностранными войсками.

Советское правительство считает необходимым заявить, что только при условии вывода всех иностранных войск с территории Японии и подписания мирного договора между СССР и Японией острова Хабомаи и Сикотан будут переданы Японии как это было предусмотрено совместной декларацией СССР и Японии от 19 октября 1956 года.

Посол Японии С. Кадоваки заявил, что он немедленно передаст текст памятной записки своему правительству.

(ТАСС)



ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ РЕСПУБЛИКА. Третий пятилетний план (1961—1965 годы) предусматривает дальнейшее развитие металлургической промышленности. По уровню производства стали на душу населения Чехословакия к концу семилетки займет одно из первых мест в мире. Выпуск стали увеличится до 10,5 миллиона тонн.

Сейчас в стране сооружаются новые металлургические предприятия, расширяются и реконструируются старые.

НА СНИМКЕ: строительство четвертой доменной печи на новом металлургическом комбинате имени Клемента Готвальда в Кунчице близ Остравы. Строители взяли обязательство закончить ее сборку на 45 дней раньше срока — к 15 февраля 1960 года.

Фото В. ШВОРЧИКА.

(Чехословацкое телеграфное агентство).

Ликвидация остатков мятежников в Индонезии

ДЖАКАРТА, 27 января. (ТАСС). Правительственные войска в Индонезии продолжают уничтожать разрозненные остатки мятежников, укрывшихся на Суматре после провала мятежа в 1958 году.

Как сообщает агентство Антара, недавно во время операций в районе Паданг-Лаваса (Западная Суматра) было убито 34 мятежника и захвачено в плен 13.

На 2-й конференции народов Африки

ТУНИС, 28 января. (ТАСС). На вчерашнем утреннем заседании с речами выступили делегаты Южно-Африканского Союза, Ганы, Туниса, Нигерии, Гвинеи и Алжира.

Представитель Ганы Коджо Ботсия подчеркнул, что 1960 год является годом начала завершения борьбы африканских народов за независимость и свободу своих стран.

Ботсия подчеркнул, что его правительство поддерживает борьбу африканских народов за свою независимость и осуждает французское правительство за его намерение испытать атомную бомбу в Сахаре.

Представитель Гвинеи Исмаил Туре сказал о важности сочетания в африканских странах профсоюзной борьбы с политической борьбой за независимость.

Затем с краткой речью выступил представитель Алжира Буманель. Охарактеризовав этапы борьбы алжирского народа против французского империализма, Буманель подчеркнул решимость его народа вести борьбу до победы.

На этом утреннее заседание закончилось.

КОРОТКО отовсюду

ТАНЖЕР. На утреннем заседании 27 января участники 2-й сессии Экономической комиссии ООН для Африки начали рассмотрение вопроса об экономическом положении Африки.

НЬЮ-ЙОРК. Кубинские официальные представители заявили, что иностранные самолеты продолжали тайные полеты над Кубой и один из них сбросил зажигательные бомбы на поле сахарного тростника.

ОСЛО. Норвежские газеты публикуют обращение видных норвежских сторонников мира, принадлежащих к различным организациям, выступающим за мир. В обращении подчеркивается, что в атомный век актуальной и в высшей степени важной задачей для всех стран стало достижение международного соглашения и осуществление контролируемого разоружения.

БОННЕ. В больницах Мюнхена (ФРГ) в связи с острой нехваткой больничных коек объявлено «бедственное положение». С 27 января в больницы Мюнхена принимаются только больные, имеющие направление лечащего врача с пометкой «опасно для жизни».

ПЕКИН. Машиностроители Китая на три года раньше срока выполнили задания по производству главных видов продукции, которые были намечены на 1962 год — последний год второй пятилетки.

ПАРИЖ. Всеобщая конфедерация труда обратилась с призывом к рабочему классу Франции объединиться для борьбы против мятежников в Алжире.

А. ЧЕХОВ

Беспокойный гость

В низкой покосившейся избушке лесника Артема, под большим темным образом сидели два человека: сам Артем, малорослый и тощий мужичонко, с старческим помятым лицом и с бородкой, растущей из шеи, и прохожий охотник, молодой, рослый парень в новой кумачовой рубахе и в больших болотных сапогах. Сидели они на скамье за маленьким треногим столиком, на котором, воткнутая в бутылку, лениво горела сальная свечка.

За окном в ночных потемках шумела буря, какою обыкновенно природа разражается перед грозой. Злобно выл ветер и болезненно стонали гнувшиеся деревья. Одно стекло в окне было заклеено бумагой, и слышно было, как срывавшиеся листья стучали по этой бумаге.

— Я тебе вот что скажу, православный, — говорил Артем сиплым тенорковым полушепотом, глядя немигающими, словно испуганными глазами на охотника. — Не боюсь я ни волков, ни ведмедей, ни зверей разных, а боюсь человека. От зверей ты ружьем, или другим каким орудием спасешься, а от злого человека нет тебе никакого спасения.

— Известно! В зверя выстрелить можно, а выстрели ты в разбойника, сам же отвечать будешь, в Сибирь пойдешь.

— Служу я, братец ты мой, тут в лесниках без малого тридцать лет, и сколько я горя от злых людей натерпелся, рассказать невозможно. Перебывало у меня тут их видимо-невидимо. Изба на просеке, дорога проезжая, ну и несет их, чертей. Ввалится какой ни на есть злодей и, шапки не снимавши, лба не перекрестивши, прямо на тебя лезет: «Давай, такой-сякой, хлеба!» А где я тебе хлеба возьму? По какому полному праву? Нешто я миллионщик, чтоб каждого прохожего пьяницу кормить? Он, известно, злобой глаза запорошило... креста на них, на чертях, нет... недолго думавши, трах тебя по уху: «Давай хлеба!» Ну, и даешь... Не станешь же с ними, с идолами, драться! У иного в плечах косовая сажень, кулачище, что твой сапог, а у меня сам видишь, какая комплекция. Меня мизинцем зашибить можно... Ну, дашь ему хлеба, а он нажрется, развалится поперек избы и — никакой тебе благодарности. А то бывают такие, что деньги спрашивают: «Отвечай, где деньги?» А какие у меня деньги? Откуда им быть?

— У лесника, да чтоб денег не было! — усмехнулся охотник. — Жалованье получаешь каждый месяц, да и, чай, лес тайком продаешь.

Артем пугливо покосился на охотника и задрыгал своей бородкой, как сорока хвостом.

— Молодой ты еще, чтоб мне такие слова говорить, — сказал он. — За эти самые слова ты перед богом ответчик. Ты сам из каких будешь? Откуда?

— Я из Вязовки. Старосты Нефеда сын.

— Ружьем балуешься... Я, когда помоложе был, тоже любил это баловство. Тэ-эк. Ох, грехи наши тяжкие! — зевнул Артем. — Беда-а! Добрых людей мало, а злодеев и душегубов не приведи бог сколько!

— Ты словно как будто и меня боишься...

— Ну, вот еще! Зачем мне тебя бояться! Я вижу... понимаю... Ты вошел, и не то чтобы как, а перекрестился, поклонился, честь-честью... Я понимаю... Тебе и хлебца дать можно... Человек я вдовый, печи не топлю, самовар продал... мяса, или чего прочего, не держу по бедности, но хлебца — сделай милость.

В это время под скамьей что-то заворчало, вслед за ворчаньем послышалось шипенье. Артем вздрогнул, поджал ноги и вопросительно поглядел на охотника.

— Это моя собака твою кошку забижает, — сказал охотник. — Вы, черти! — крикнул он под скамью. — Куш! Биты будете! Да и худая же у тебя, брат, кошка! Одни кости да шерсть.

— Стара стала, околевать время... Так ты, сказываешь, из Вязовки?

— Не кормишь ты ее, я вижу. Она хоть и кошка, а все-таки тварь... всякое дыхание. Жалеть надо!

— Не чисто у вас в Вязовке, — продолжал Артем, как бы не слушая охотника. — В один год два раза церковь грабили... Есть же такие анафемы, а? Стало быть, не только людей, но даже бога не боятся! Грабить божье добро! Да за это повесить мало! В прежнее время таких шельмов губернаторы через палачей наказывали.

— Как ни наказывай, хоть плетьми жарь, хоть засуди, а не выйдет толку. Из злого человека ничем ты зла не вышибешь.

— Спаси и помилуй, царица небесная! — прерывисто вздохнул лесник. — Спаси нас от всякого врага и супостата. На прошлой неделе в Волоьих Займищах один косарь другого по грудям косой хватил... До смерти убил! А из-за чего дело вышло, господи твоя воля! Выходит это один косарь из кабака... выпивши. Встречается ему другой и тоже выпивши...

Внимательно слушавший охотник вдруг вздрогнул, вытянул лицо и прислушался.

— Постой, — перебил он лесника. — Кажись, кто-то кричит...

Охотник и лесник, не отрывая глаз от темного окна, стали слушать. Сквозь шум леса слышны были звуки, какие слышит напряженное ухо во всякую бурю, так что трудно было разобрать, люди ли то звали на помощь, или же непогода плакала в трубе. Но рванул ветер на крыше, застучал по бумаге на окне и донес явственный крик: «караул!».

— Легки твои душегубы на помине! — сказал охотник, бледнея и поднимаясь. — Грабят кого-то!

— Господи помилуй! — прошептал лесник, тоже бледнея и поднимаясь.

Охотник бесцельно поглядел в окно и прошелся по избе.

— Ночь-то, ночь какая! — пробормотал он. — Зги не видать! Время самое такое, чтоб грабить. Слышь? Опять крикнуло!

Лесник поглядел на образ, с образа перевел глаза на охотника и опустился на скамью в изнеможении человека, испуганного внезапным известием.

— Православный! — сказал он плачущим голосом. — Ты бы пошел в сени да на засов двери запер! И огонь бы потушить надо!

— По какому случаю?

— Неровен час, заберутся сюда... Ох, грехи наши!

— Идти нужно, а ты двери на засов! Голова, посмотришь! Идем, что ль?

Охотник перекинул на плечо ружье и взялся за шапку.

— Одевайся, бери свое ружье! Эй, Флерка, иси! — крикнул он собаке. — Флерка!

Из-под скамьи вышла собака с длинными опрыженными ушами, помесь сеттера с дворняжкой. Она потянулась у ног хозяина и завиляла хвостом.

— Что ж ты сидишь? — крикнул охотник на лесника. — Нешто не пойдешь?

— Куды?

— На помощь!

— Куда мне! — махнул рукою лесник, пожимаясь всем телом. — Бог с ним совсем.

— Отчего же ты не хочешь идти?

— После страшных разговоров я теперя и шага не ступну впотьмах. Бог с ним совсем! И чего я там в лесу не видал?

— Чего боишься? Нешто у тебя ружья нет? Пойдем, сделай милость! Одному идти боязно, а вдвоем веселей! Слышь? Опять крикнуло! Вставай!

— Как ты обо мне понимаешь, парень! — простонал лесник. — Нешто я дурак, что пойду на свою погибель?

— Так ты не пойдешь?

Лесник молчал. Собака, вероятно услышавшая человеческий крик, жалобно залаяла.

— Пойдешь, я тебя спрашиваю? — крикнул охотник, злобно таращa глаза.

— Пристал, ей богу! — поморщился лесник. — Ступай сам!

— Э... сволочь! — проворчал охотник, поворачивая к двери. — Флерка, иси!

Он вышел и оставил дверь настежь. В избу влетел ветер. Огонь на свечке беспокойно замелькал, ярко вспыхнул и потух.

Запирая за охотником дверь, лесник видел, как лужи на просеке, ближайшие сосны и удаляющуюся фигуру гостя осветило молнией. Вдали проворчал гром.

— Свят, свят, свят... — шепнул лесник, спеша просунуть толстый засов в большие железные петли. — Экую погоду бог послал!

Вернувшись в избу, он ощупью добрался до печки, лег и укрылся с головой. Лежа под тулупом и напряженно прислушиваясь, он уже не слышал человеческого крика, но зато удары грома становились все сильнее и раскатистее. Ему слышно было, как крупный, гонимый ветром дождь злобно застучал по стеклам и по бумаге окна.

«Понесла нелегкая! — думал он, воображая себе охотника, мокнущего на дожде и спотыкающегося о пни. — Небось, со страху зубами щелкает!».

Не далее как минут через десять раздались шаги, и за ними сильный стук в дверь.

— Кто там? — крикнул лесник.

— Это я, — послышался голос охотника. — Отопри!

Лесник сполз с печи, нащупал свечку и, зажегши ее, пошел отворять дверь. Охотник и его собака были мокры до костей. Они попали под самый крупный и густой дождь, и теперь текло с них, как с невыжатых тряпок.

— Что там случилось? — спросил лесник.

— Баба в телеге ехала и не на ту дорогу попала... — ответил охотник, пересиливая одышку. — В чепыгу залезла.

— Ишь, дура! Испугалась, значит... Что ж, ты вывел ее на дорогу?

— Не желаю я тебе, подлецу этакому, отвечать.

Охотник бросил на скамью мокрую шапку и продолжал:

— Об тебе я теперь так понимаю, что ты подлец и последний человек. Еще тоже сторож, жалованье получает! Мерзавец этакой...

Лесник виноватою походкой поплелся к печи, крякнул и лег. Охотник сел на скамью, подумал и, мокрый, разлегся вдоль всей скамьи. Немного погодя, он поднялся, потушил свечку и опять лег. Во время одного особенно сильного удара грома он заворочался, сплюнул и проворчал:

— Страшно ему... Ну, а ежели б резали бабу? Чье дело вступиться за нее? А еще тоже старый человек, крещеный... Свинья и больше ничего.

Лесник крякнул и глубоко вздохнул. Флерка где-то в потемках сильно встряхнула свое мокрое тело, отчего во все стороны посыпались брызги.

— Стало быть, тебе и горя мало, ежели бы бабу зарезали? — продолжал охотник. — Ну, побей бог, не знал я, что ты такой...

Наступило молчание. Грозная туча уже прошла, и удары грома слышались издали, но дождь все еще шел.

— А ежели б, скажем, не баба, а ты караул кричал? — прервал молчание охотник. — Хорошо бы тебе, скоту, было, ежели бы никто к тебе на выручку не побег? Встревожил ты меня своей подлостью, чтоб тебе пусто было!

Засим, еще после одного длинного антракта, охотник сказал:

— Стало быть, у тебя деньги есть, ежели ты боишься людей! Человек, который бедный, не станет бояться...

— За эти самые слова ты перед богом ответчик... — прохрипел с печки Артем. — Нету у меня денег!

— Ну, да! У подлецов завсегда есть деньги... А зачем ты боишься людей? Стало быть, есть! Вот взять бы да и ограбить тебя на зло, чтоб ты понимал!..

Артем бесшумно сполз с печки, зажег свечку и сел под образом. Он был бледен и не сводил глаз с охотника.

— Возьму вот и ограблю, — продолжал охотник, поднимаясь. — А ты как думал? Вашего брата учить нужно! Сказывай, где деньги спрятаны?

Артем поджал под себя ноги и замигал глазами.

— Что жмешься? Где деньги спрятаны? Языка в тебе, шут, нету, что ли? Что молчишь?

Охотник вскочил и подошел к леснику.

— Глаза, как сыч, таращит! Ну? Давай деньги, а то из ружья выстрелю!

— Что ты ко мне пристал? — завизжал лесник, и крупные слезы брызнули из его глаз. — По какой причине? Бог все видит! За все эти самые слова ты перед богом ответчик. Никакого полного права не имеешь ты с меня деньги требовать!

Охотник поглядел на плачущее лицо Артема, поморщился и зашагал по избе, потом сердито нахлобучил шапку и взялся за ружье.

— Э... э... глядеть на тебя противно! — процедил он сквозь зубы. — Видеть тебя не могу! Все равно мне не спать у тебя. Прощай! Эй, Флерка!

Хлопнула дверь — и беспокойный гость вышел со своей собакой... Артем запер за ним дверь, перекрестился и лег.